

Неожиданно названный по имени, Хэ Сы на миг растерялся. Он чутко уловил недовольство в голосе юного императора и с внутренним ужасом подумал: «Зачем я, чёрт возьми, должен неотступно за тобой следовать? Неужели ты и вправду принимаешь меня за родную мать?»

Он с тоской посмотрел на мальчишку: «Но ты же, мелкий негодяй, уже давно не в том возрасте, чтобы сосать молоко!»

Однако раз император выразил недовольство, Хэ Сы счёл нужным поддержать его. В оставшееся время занятий он и вправду не отходил от тренировочного поля, держа в руках тёплый мешочек с каштанами, которые подали расторопные евнухи. С наслаждением наблюдая, как Лу Чжэнмин заставляет юного императора присесть до полного изнеможения, он неспешно грыз орешки.

Когда ему надоело, служащий евнух тут же поднёс кувшин свежего чая. Жизнь Хэ Сы текла куда беззаботнее, чем у самого императора.

Наевшись каштанов, он отправился просматривать доклады. Хотя юный император пока не правил самостоятельно, он уже понемногу начинал знакомиться с несложными государственными делами. Доклады предварительно обсуждались и визировались членами Внутреннего кабинета, затем проходили через Хэ Сы для утверждения правом алой кисти и лишь после этого попадали к императору. Обычно от мальчика не требовалось особых усилий — ему просто показывали, как ведётся управление.

Сойдя с тренировочного поля, юный император выглядел так, будто его вытащили из воды. Лайфу поспешил накинуть на него плащ, чтобы мальчик не простудился.

Завернувшись в плащ, император сделал большой глоток горячего чая и, покраснев, запыхавшись, сказал Лу Чжэнмину:

— Завтра продолжим!

Лу Чжэнмин почтительно ответил:

— Слушаюсь.

Император фыркнул, оглянулся и заметил почти наевшегося и довольного наместника Восточной палаты. Нехотя он спросил:

— Господин наместник, у вас сегодня ещё есть дела?

Хэ Сы подумал: «Изначально дел не было, но раз ты спросил, теперь обязательно найдутся». Опыта обращения с детьми у него не было, ненадолго утешить мальчишку он ещё мог, но боялся, что при долгом общении с этим сорванцом не сдержит руку.

Он склонил голову и смиренно ответил:

— Через пару дней в столицу прибывают несколько князей, и ваш слуга занят подготовкой к их встрече.

Лицо юного императора мгновенно вытянулось. Не сказав ни слова, он сердито удалился в сопровождении свиты.

Хэ Сы бесстрастно смотрел на маленькую фигурку и с раздражением подумал: «Я уже на грани

смерти от усталости, а ты, мелкий негодяй, не только не выделил средств для Восточной палаты, но ещё и дуешься на меня?»

Он решил, что на Новый год купит на ящик фейерверков больше.

— Не ожидал, что отношения между вашим превосходительством и его величеством окажутся ближе, чем гласили слухи, — внезапно раздался голос того, кого все забыли.

Хэ Сы сначала вздрогнул, а затем вспомнил, что перед ним стоит человек, который раздражает его даже больше, чем юный император.

«Вот ведь, — подумал он, — я проложил ему дорогу прямо в императорский дворец, к подножию трона, а этот приёмщик даже не проявил должной почтительности, чтобы почтить своего „приёмного отца“».

Хэ Сы невозмутимо достал ещё один каштан, медленно разжевал его и, глядя на Лу Чжэнмина, расплылся в улыбке:

— Хороший сынок, не ревнуй, любимец у отца всё равно ты.

Лу Чжэнмин: «...»

После того как Хэ Сы отбрил Лу Чжэнмина, он, счастливый, словно павлин с поднятым хвостом, самодовольно понёс свой мешочек с каштанами во Дворец Нефритовой Жабы.

Лу Чжэнмин наблюдал за его щегольской походкой, щёлкнул языком, потёр свою колючую щетину и, насвистывая развязную мелодию, последовал за ним. Прямо перед Чжао Цзинчжунем и другими евнухами он громко спросил:

— Тогда, папаша, как именно вы собираетесь меня баловать?

Хэ Сы: «...»

Чжао Цзинчжун и остальные: «...»

На всех лицах одновременно мелькнуло выражение: «Чёрт возьми, вы, горожане, умеете поизощрённее».

Хэ Сы не стал смотреть на них, боясь не сдержаться и разрушить тщательно созданный образ. С трудом подавив ярость, он притворно рассердился:

— Какую чепуху ты городишь в дворце!

Тут же выражения лиц окружающих сменились на: «А, вы оставите это для постели? Понятно, всё понятно».

Хэ Сы больше не стал ничего говорить. Он боялся, что если продолжит, они начнут делать ставки на то, кто из них двоих окажется сверху.

«Нельзя об этом думать, — отрезал он себе мысленно. — Слишком грязно! Жизнь сокращает!»

Подойдя к воротам Дворца Нефритовой Жабы, Хэ Сы, весь путь пробывший в напряжении, вдруг резко обернулся и с недоумением уставился на молчаливого Лу Чжэнмина:

— Зачем ты за мной идёшь?

«Ты, сотник Императорской гвардии, разве не должен был убраться отсюда после занятий с этим мелким негодяем?» — говорил его взгляд.

Лу Чжэнмин прочитал в его глазах презрение и с преувеличенным удивлением ответил:

— Ваше превосходительство, вы же не приказали мне удалиться.

На лбу Хэ Сы вздулась жилка, он едва сдержался, чтобы не схватить этого человека за воротник и не накричать ему в лицо.

Когда казалось, что вот-вот начнётся трагедия отцеубийства, Чжао Цзинчжун поспешил вмешаться:

— Ваше превосходительство, успокойтесь! Ваше превосходительство, будьте хладнокровны! В конце концов, вы же как отец и сын!

Хэ Сы и Лу Чжэнмин: «...»

Хэ Сы с трудом подавил гнев, ткнул пальцем в угол и приказал Чжао Цзинчжуну:

— Заткнись! Проваливай отсюда, я пока не хочу тебя видеть!

Чжао Цзинчжун: «QAQ!»

Хэ Сы, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, произнёс:

— Теперь я приказываю тебе уйти. Усвоил?

Лу Чжэнмин с тем же невозмутимым видом развёл руками:

— Это лишь мой второй визит во дворец, я не знаю дороги.

Хэ Сы: «...»

Ладно, когда наглец сталкивается с бесстыдником, побеждает бесстыдник.

Пусть идёт следом, будто он выгуливает собачонку. Хэ Сы раздражённо посмотрел на худощавого и смуглого Лу Чжэнмина и подумал, что сравнение с пекинесом для него слишком лестно. Скорее уж дворняжка с примесью волка!

Дворец Нефритовой Жабы, как всегда, был холоден и безлюден. На черепице скопилась пыль, с карнизов свисали длинные пучки полыни, а во дворе сушилась грубая холстина, отчего место выглядело даже мрачнее заброшенного кладбища.

Приближался Новый год, и весь дворец был украшен фонарями и яркими шёлковыми лентами, словно невеста перед свадьбой. Пусть это и был холодный дворец, но нельзя же было устраивать здесь нечто, похожее на похороны, — словно все вместе собираются на тот свет.

Управляющий холодным дворцом, едва услышав шаги, в страхе выбежал навстречу. Не успев даже преклонить колени перед Хэ Сы, он получил выговор.

— Какая смелость! — грозно сказал Хэ Сы, окинув его взглядом. — Без объявления траура

вывешивать во дворце холстину и полынь? Жизни не дорого? Немедленно уберите это!

Управляющий с глухим стуком повалился на землю, оправдываясь:

— Ваше превосходительство, рассудите! Ваше превосходительство, рассудите! Это было по приказу госпожи Цин! Она настаивала, говорила...

— Сяо Сы! Не ругай его! Это я велела! — Грубый голос госпожи Цин раздался из зала. Она вышла, одетая в простую траурную одежду, с белым цветком в волосах, держа в руке кувшин вина. Пьяно опустившись на ступеньки, она крикнула:

— Сяо Сы! Ты давно не навещал меня, неужели женился и забыл о матери?

Её поведение настолько контрастировало со строгой дворцовой атмосферой, что Лу Чжэнмин не смог сдержать смешка.

«Сяо Сы?»

Хэ Сы потратил некоторое время, чтобы сообразить, что это обращение относится к нему, и понял, над чем смеётся Лу Чжэнмин. Его лицо почернело, как подошва котла. Он глубоко вздохнул, сделал почтительное выражение лица и с мягкой улыбкой сказал:

— Ваша светлость, со дня кончины покойного императора прошло уже достаточно времени, по правилам траур следует завершить. Ваши действия неуместны. Если вы действительно скорбите...

<http://bllate.org/book/16284/1467114>